

Арсен САХРУЕВ

ВКУС ЖИЗНИ

РАССКАЗЫ

ПЛОДЫ

Море людей. Маленькие люди идут в школу, люди постарше снуют между университетами, ведут автомобили, идут на работу. Разбухшие тучи стошнило коротким дождем, пыльное солнце зажелтело с удвоенной яростью. Я стою на жаровне и задыхаюсь. Слишком много лиц и звуков.

Пахнет газом и плавящимся асфальтом. Краснолицые водители истекают злобой в опущенные окна. Автомобили приварились к дороге и пронзительно верещат на сотни голосов, пробка дергается как огромный агонизирующий червь, короткими рывками ползущий в свою дыру. Какой-то дьявольский оркестр. Ударник на стройке задает ритм отбойным молотом. С каждым ударом по телу толчками разливается паника. Слишком много всего. Город задыхается, звуки переполняют его и расплескиваются, погребая прохожих под грохочущей лавиной. Я закрываю глаза и делаю глубокий вдох. Слишком глубокий. Дыхание сбивается, и я начинаю ловить ртом воздух. Каждый раз одно и то же. Успокойся и найди тень. Быстро сворачиваю вправо.

Солнце здесь еще неистовей, но, когда проходишь мимо автомоек, можно поймать холодные брызги. Пахнет сыростью и моющими средствами. Мойщики разделись до пояса и пытаются докричаться друг до друга сквозь шум воды, хлещущей по взмыленным автомобилям. Поворот налево. В нос бьет сладковатая вонь мусорных баков. Почему они всегда текут? Ладно, здесь хотя бы не так шумно, деревья глушат звуки.

Я люблю эту улочку, потому что в ней еще осталось... что-то живое. Здесь даже можно услышать птиц. Они заливаются, скрытые ветвями фруктовых деревьев, растущих за высоченными заборами. За заборами еще более высоченные безвкусные дома. Где-то даже с башенками с миниатюрными бойницами. Не хватает только маленьких флагов и крохотных пушек, стреляющих ядрами размером с грецкий орех.

Свежий ветер несет жужжание газонокосилки. Пахнет травой, цветами и тутовником. Он тут повсюду, лежит ровным толстым слоем, передавленный и утрамбованный сотнями пар ног. На другой стороне улицы рабочие прячутся от солнца в тени старого абрикосового дерева, смеются и едят абрикосы. Я иду, отмахиваясь от назойливых насекомых, летающих над гниющим тутовником, и вдруг слышу скрипучий голос с легким акцентом:

— Сынок, сколько время?

На табуретке, прислонившись к кирпичному забору дома, сидит древний старик и безмятежно смотрит куда-то сквозь меня. На нем папаха, из-под которой торчат красные уши и тонкие седые волосы. В глазах стоит густой туман, они почти побелели, и зрачки едва различимы. Морщинки вокруг глаз делают и без того доброе лицо улыбающимся. Рядом, упираясь в стену, стоит короткая клюка.

Опомнившись, я наконец отвечаю:

— Двенадцать тридцать.

— Двенадцать тридцать?

— Да, двенадцать тридцать.

— Спасибо, сынок, дай Аллах тебе здоровья.

Я иду дальше, но останавливаюсь, потому что слышу за спиной:

— Сынок, сколько время?

— Двенадцать тридцать.

— Спасибо, дай Аллах здоровья твоим родным и тебе.

Оборачиваюсь и вижу, как навстречу идет парень с рюкзаком через плечо и чему-то улыбается. Может, старик не расслышал и решил спросить у кого-нибудь еще? Я вижу в отдалении еще одного прохожего и решаю остаться и понаблюдать. Как только тот приближается к старику, между ними происходит ровно такой же диалог, и прохожий идет дальше. Рядом со мной останавливается какой-то паренек, видимо из местных, и тоже наблюдает за тем, как старик благословляет очередного прохожего, на этот раз девочку с огромным пакетом в руке. Паренек почесывает левую ногу большим пальцем правой ноги, торчащим из резиновых тапок, и доверительно сообщает:

— Он так целый день может.

Я коротко улыбаюсь ему и продолжаю наблюдать за стариком. Ловлю себя на мысли, что больше всего мне бы сейчас хотелось вот так сидеть весь день рядом с ним в тени домов на тихой улочке и благословлять прохожих.

Паренек продолжает:

— Каждый день почти сидит. Хороший старик. У нас про таких говорят, что они уже тот свет видят. Видишь, какие глаза.

Хороший паренек. И день хороший сегодня.

— Он в ауле жил всю жизнь, а когда совсем старый стал, его откуда забрали. Некому там за ним смотреть, людей почти не осталось.

За это время старик благословил еще троих. Ворота рядом с ним со скрипом раскрылись, выпуская длинноволосую женщину в зеленом платье. Она быстро оглядывается по сторонам и, увидев зрителей, что-то недовольно кричит старику на своем языке. Тот продолжал безмятежно смотреть сквозь нее, даже когда она взяла его под руку и, крича что-то, повела в дом. Он шел очень медленно и успел благословить двух студенток, проходивших мимо.

Завидев девушек, паренек всполошился:

— На них смотри, да. Как попало оделись и ходят.

Женщина продолжала кричать. Газонокосилка стихла. Мухи надоедливо липли к лицу.

— Э-э, не стыдно, да, вам! — крикнул паренек студенткам. — Клянись, они в городе с ума сходить начинают. Раньше побоялись бы так ходить, сейчас разврат везде.

Он жадно пожирает их глазами и продолжает рассуждать о падении нравов.

Солнце начинает печь с удвоенной яростью. Я чувствую, что задыхаюсь. Мимо с шумом проносятся машины. Два водителя на перекрестке кричат друг на друга и размахивают руками.

— Брат, у тебя десяти рублей не будет? — внезапно обращается ко мне паренек.

Я только сейчас замечаю, что у него плохо пахнет изо рта. Знакомый запах, что-то нехорошее. Протягиваю ему пару монет. Старика загнали в дом, оттуда слышны крики.

— О, от души, брат.

Я молча киваю, и он уходит. В доме кричат. Рабочие включают бензопилу и начинают пилить абрикосовое дерево.

ВКУС ЖИЗНИ

Никто не хотел играть с Саидом.

— Ты же проигрывать совсем не умеешь, — сказал ему старый Гасан и втянул жирным картофельным носом табак с потемневшего пальца.

— С тобой не сыграл бы, даже если бы ты просил. От тебя сигаретами воняет, — ответил Саид и сунул в карман грязно-зеленой куртки пакетик с объединенной по краям ватрушкой.

Вокруг над клетчатými досками мелькали десятки пар рук, грохотали деревянные фигуры, стучали часы, шумели шахматисты. Эта страшная какофония была для Саида музыкой, и потому сквозь крики подсказок, вопли протестов и споры он безошибочно уловил ненавистную насмешливую партию Шахбана и протиснулся к его столику.

— Вываливай! — краснощеко выдохнул Шахбан, давая шах вражескому королю ферзем, и жизнерадостно оглядел столпившихся у его стола зрителей.

— А вот так! — ответил соперник, и его ладья вплыла на клетку перед королем.

— Фраер македонский! — победно завопил Шахбан и разорвал большую диагональ шахом чернопольного слона.

Кричит как будто чемпионом мира стал. А с серьезными соперниками никогда не играет. Саид просунул руку к столику и ударил пешкой по столу:

— Занимаю очередь!

Он почувствовал насмешливые взгляды, но смотрел только в круглое румяное лицо Шахбана и ждал ответа. Тот пожал плечами и улыбнулся:

— Занимай. Желающих много, придется подождать.

— Позовите, когда до меня дойдет, — сказал Саид и отошел от столика.

Нужно разогреться, сыграть с кем-нибудь. Он заметил стоящих в углу мужчину с ребенком и направился к ним.

— Играете? — спросил он мужчину, кивая на расставленные перед ним фигуры.

— Нет, нет, я не умею. Сына вот привел потренироваться, он у меня в шахматную школу ходит. Не сыграете с ним?

Саид еще раз посмотрел по сторонам и, не найдя больше желающих, обреченно вздохнул:

— Ну, давайте.

Мальчику было не больше восьми лет, и он постоянно крутил головой в разные стороны. Саид протянул ему руку, мальчик перегнулся через стол и пожал маленькой липкой ручкой три пальца. От него пахло сушеным мясом и аджикой, и у Саида скрутило живот от голода. Он с теплотой подумал о самой вкусной творожной части ватрушки, которую отложил к вечернему чаю, и сделал первый ход.

Мальчик продолжал смотреть по сторонам, но легко отразил угрозу «детского» мата и методично захватывал своими фигурами пространство на доске. Саид начал зло стучать фигурами. Еще один любитель играть по учебникам. Выучиваются так, что играть тошно. Ну вот, теперь все смотрят сюда, а он уже сам отбивается от атак мальчишки.

— Смотри на доску, когда играешь. Тебя разве не учили в школе? — сказал он, натягивая пластиковую улыбку.

Мальчик вздрогнул, посмотрел на Саида, будто только теперь увидел своего соперника, и быстро сделал ход.

— Ага! — Саид радостно снял вражеского коня с доски. — Я же говорил, смотри на доску. Отдал целого коня просто так. Тебе не говорили в школе, что надо внимательно смотреть за своими фигурами?

— Отвечай, когда взрослый человек спрашивает, — голос отца угрожающе понизился.

Мальчик растерянно захлопал глазами, отдал следующим ходом еще одну фигуру и заплакал.

— Ничего, ничего, — Саид понимающе улыбался отцу. — Может, еще научится. В конце концов, не все дети способны к шахматам. К этому особый талант нужен, в школе не научат.

Мужчина поблагодарил Саида, заставил мальчика пожать сопернику руку и вывел все еще плакавшего сына на улицу.

— Опять ребенка до слез довел, — покачал головой старый Гасан.

— Ты иди, табак свой нюхай! Все мозги себе вынюхал, — огрызнулся Саид и пошел к столу Шахбана.

Тот уже ждал его и театральным жестом указал на стул напротив себя.

Шахбан начал партию, двинув на две клетки сначала одну, потом вторую крайние пешки, и с нескрываемым ехидством посмотрел на оппонента. Саид почувствовал, как начинают гореть уши. Этот проигрыша снова хочет оскорбить его, хочет унижить, обыграв после такого начала.

— Ты мне скажи, Саид, ты зачем пришел вообще? — спросил Шахбан, продолжая ехидно улыбаться.

— Играй молча!

— А вот шах!

— Ну и что?

— А вот еще шах! Все, выносите тело!

— Ты играй, играй.

— А вот тут — хрясь!

— Ну, я тоже съем.

— А вот этого хайвана я просто так заберу, — Шахбан быстро снял с доски коня соперника.

У Саида заколотилось сердце. Зевнул коня, на ровном месте. Опозорен.

— Ты что, Саид, в школе не учился? Нельзя же так фигуры подставлять, — продолжал Шахбан.

Саид вскочил, опрокинув стул, и молча вышел из павильона. Шахбан явно слышал все, что было в партии с мальчиком. И надо же было отдать именно коня! Позор. Позор. Он увидел на скамейке под обрезанным платаном плачущего мальчика с отцом. Какие нежные дети пошли, до сих пор плачет. Ему стало не по себе. Нужно было что-то сказать, успокоить мальчишку. Отдать ватрушку? Саид замедлился у скамейки, поймал напряженный взгляд мужчины и, смутившись, прошел мимо.

По пути домой Саид твердо решил взять реванш. Он даже извлек из-под старого шкафа потрепанные папки с бумагами, чтобы найти запись партии, которую он выиграл у Шахбана в конце восьмидесятых. Из самой толстой папки, туго обвязанной бечевкой, на него ворохом посыпались воспоминания, дневники, письма, которые он

писал жене, подробные планы путешествий, в которые они так и не съездили до ее смерти. Покрытая пятнами сырости потемневшая бумага обжигала ему пальцы, он отбросил папку в сторону и заплакал. Успокоившись, он отыскал нужную папку, в которой хранились все его грамоты за игру в городских и районных соревнованиях и аккуратная стопка бланков с партиями. Просмотр игры с Шахбаном только расстроил его, она не содержала ничего полезного: Шахбан просмотрел двойной удар и на восьмом ходу расстался с ферзем.

Саид убрал бланк в сторону и начал воспроизводить по памяти сегодняшнюю игру. С каждым новым просмотром он находил все более впечатляющие способы победы, которую он упустил, и сокрушался, испытывая при этом странное удовольствие — он все-таки мог бы, если бы не невнимательность, если бы Шахбан не шумел, если бы он не забыл пообедать. При мысли об обеде у него заурчало в животе, он поднял голову от доски и увидел, что рассвет уже пробрался в его квартиру и наискосок разрезает стены и верхушку пожелтевшего холодильника. Ватрушка! Саид схватил куртку, но нашел только размазанный по всей внутренней поверхности кармана липкий творог и полиэтиленовый пакетик. Он вспомнил, что подложил куртку под себя, когда садился играть с Шахбаном, будь он проклят! Саид вытряхнул пакетик на пол, надел куртку и вышел из дома.

Утро выдалось пасмурным и сырым. Тротуары блестели от дождя, прошедшего совсем недавно, в небе лохмотьями висели остатки туч. У Саида кружилась голова, но он шел дальше, погруженный в мысли о предстоящем реванше, и не обращал на это внимания, пока не почувствовал, как внутри у него будто лопнул какой-то пузырь. Игла боли предупреждающе ткнула в переносицу, и он сел на влажный бордюр, снял давившую на голову кепку и зажмурился. Перед глазами плясали разноцветные искры, он заставил их выстроиться в линии и подсвечивал ими ходы в воображаемой партии. У ног звякнул металл. Какой-то прохожий принял его за бездомного и бросил в кепку горсть монет. Да, Саид, позорься дальше, позорься. Он утратил ощущение времени. Сколько прошло? Час? Три часа? Кепка заметно потяжелела, среди мелочи лежало несколько купюр. Внезапная вспышка ярости придала ему сил, и он вскочил, вытряхивая из кепки все содержимое. Голуби, мирно клевавшие крошки хлеба на асфальте, испуганно брызнули к деревьям и закурлыкали. Ярость улеглась и уступила место восторженной легкости.

Саид шел стремительной пружинистой походкой. Мысль его вновь возвращалась к реваншу, но теперь он был уверен в победе, ключом к которой была гармония. Ему казалось, что он понял нечто очень важное, и он радостно улыбался прохожим и желал им доброго утра. Справа от него спешил куда-то тучный мужчина с кожаным

кейсом, он шел по диагонали, переступая через две плитки за раз, и Саиду внезапно захотелось остановить его и объяснить, что ладьи ходят по горизонтали и вертикали и что мужчина все делает неправильно. Он открыл было рот, и тут же почувствовал, как слишком резким шагом из него выбило воздух: он начал задыхаться и схватился за дерево. Вздор, он не способен обыграть Шахбана, никогда не был способен!

Его расстраивало, как неровно падали лучи солнца, как неуклюже кошка спрыгнула с дерева, отчаянно цепляясь за терпкий мокрый ствол. Город издевательски трясся и кружился перед глазами, и Саид сам не заметил, как оказался перед шахматным павильоном.

Когда он вошел, взъерошенный, с потемневшим лицом, искривленным улыбкой, все игравшие разом замолкли. Саид беспрепятственно прошел к столику, за которым сидел Шахбан, и сел напротив.

— Реванш, — сказал он и показал на доску.

— Шахбан, ради Аллаха, — испуганно прошептал старый Гасан.

Шахбан махнул на него рукой, кивнул Саиду и двинул на две клетки ферзевую пешку.

«Теперь ты не улыбаешься, — подумалось Саиду. — Чувствуешь, что напротив тебя серьезный соперник». Ему казалось, что фигуры поют в его руках, и он выстраивал их на доске так, чтобы мелодия лилась не переставая. Он вел партию, двигаясь как дирижер, и с удовлетворением отмечал, что Шахбан потрясен, что потрясены все зрители. Он услышал, что кто-то вызывает скорую и пожалел беднягу, который не сможет увидеть его шедевр из-за плохого самочувствия. Руки внезапно стали слишком легкими, Саид не мог сдвинуть ими фигуры и стал двигать их силой мысли, и когда поток его сознания подхватил ферзя, чтобы сделать решающий ход, он вдруг почувствовал, как в голове лопнул еще один пузырь — и Саид упал лицом на стол.

Первое, что он увидел, когда открыл глаза, были встревоженные лица завсегдатаев павильона и смущенную улыбку Шахбана.

— Напугал ты нас, Саид, — сказал он.

— Кто победил?

Шахбан растерянно посмотрел вокруг. После секундной паузы зазвучал целый хор голосов:

— Абсолютно выиграно!

— У тебя позиция была намного лучше!

— Играл как лев!

Саид закрыл глаза и улыбнулся:

— Ладно, ладно, не шумите, я что-то сильно устал.

— Гасан, отвези его домой, — попросил Шахбан и, приблизившись к Саиду вплотную, вложил ему в руку пакет с ватрушками. — Ты их, кажется, очень любишь. Мой тебе совет: начинай кусать с середины.